

20

**Юбилейная
серия детективов
Марины
СЕРОВОЙ**

**МАРИНА
СЕРОВА**

**ВСЕГО ЛИШЬ КАПЕЛЬКА
ЯДА**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Оформление серии *С. Курбатова*

Серова, Марина Сергеевна.
С32 Всего лишь капелька яда / Марина Серова. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с. — (Юбилейная серия детективов Марины Серовой).

ISBN 978-5-04-098581-4

Частный детектив Татьяна Иванова расследует убийство богатого предпринимателя и ученого. В лесу рядом с его дачей сыщица обнаруживает... три трупа. Одновременно с этим в городе умирают от инфаркта несколько совершенно здоровых молодых людей. Связаны ли все эти смерти с гибелью ученого? И почему за помощью к Татьяне обращается ФСБ?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М. С., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018
ISBN 978-5-04-098581-4

Глава 1

РЫЖАЯ, С ОРАНЖЕВЫМИ ГУБАМИ

Я познакомилась с Эммой и ее мужем в поезде, когда возвращалась из Москвы, которую навестила по своим делам. Мы ехали в одном купе, и я имела возможность наблюдать эту странную пару. Ей — двадцать пять лет, красивая, стройная и умная, ему — шестьдесят. Яков Липкин тоже красив, умен и еще раз умен. Высокий, худой, с ежиком седых жестких волос на идеальной формы голове, с большими, чуть навывкате, похожими на чернослив глазами, прямым носом — с ноздрями, очерченными так, словно Яков презирал всех и вся, раздутыми и застывшими, — и полными, о многом напоминающими губами. Женщинам нравятся такие, молчаливые и спокойные в своей перезрелости мужчины. Но

только не Эмме. Она всю дорогу отпускала в его адрес шпильки, иногда попросту хамила ему, в присутствии мужа жаловалась мне на свою долю, ища сочувствия и поддержки, и откровенно скучала, когда я делала вид, что сплю.

Рыжая, с оранжевыми губами и бледной, молочного оттенка кожей, хрупкая при полной груди и какая-то гуттаперчевая, расхристанная и подвижная, Эмма производила неизгладимое впечатление на всех мужчин в вагоне-ресторане, где мы все вместе обедали, и я подумала тогда, что еще большее впечатление она, очевидно, произвела в свое время (год назад) и на своего Якова, раз он женился на такой неудобной во всех отношениях особе.

Она при взгляде на него шурила свои темно-зеленые, с пухлыми нижними веками глаза, морщила нос и фыркала, словно кошка.

Мы ели, играли в карты, снова ели, говорили о пустяках, спали. Самым ужасным в этой поездке было то, что они вез-

ли из Москвы, где гостили у какого-то родственника Якова, бараньи котлеты с большим количеством чеснока. Котлеты эти лежали в блестящем судке прямо на столике и сильно пахли.

— Яша любит, — нарочито нежно, с каплей яда заметила Эмма, как-то растягивая слова. — Чем больше чеснока, тем лучше.

Судя по ее междометиям, которыми она колола его похлеще прямых оскорблений, ее раздражало в муже абсолютно все, начиная с крема для бритья, который «пахнет прокисшим лимоном», и кончая желтыми полосками на его носках. А ведь одет был Липкин достаточно хорошо, можно даже сказать, изысканно: черные мягкие брюки, черный же кашемировый джемпер с орнаментом, дорогие немецкие тапочки. На вешалке висело элегантное длинное пальто бежевого цвета и роскошное желто-красное кашне.

Сама Эмма была во всем белом: свитер и эластичные брюки, из-под которых выглядывали пушистые колготки.

Пара была настолько необычная, интересная и контрастная — взять хотя бы это сочетание: он во всем черном, она во всем белом, — что мне даже доставляло удовольствие наблюдать за ними. И все же однажды, когда мы уже подъезжали к Тарасову, воспользовавшись временным отсутствием Эммы (она вышла, чтобы посмотреть, не украла ли проводница специально оставленный ею в туалете несессер: ей нравились такого рода эксперименты, а туалетом в эту четверть часа могла пользоваться только проводница), я не выдержала и спросила Якова:

— Как вы все это терпите?

Он закрыл глаза, вздохнул, закинул ногу за ногу и ответил:

— Не знаю. Наверное, люблю.

Человеческая душа — всем известные потемки. Вот я и подумала тогда, что несправедливо упрекать этого представителя сильного пола в отсутствии какой-либо гордости. Ну и что, если на какое-то время она уступила место более сильному чувству! Это, в конце-то концов, его личное дело.

Перед тем как расстаться, мы обменялись телефонами и адресами, и я была почему-то уверена, что рано или поздно вновь встречу их.

Но встретить Якова мне так и не удалось. В тот момент, когда я увидела его жену... Впрочем, все по порядку...

Она приехала ко мне без предупреждения. Те же огненные рыжие волосы, зеленые глаза, только сиреневые круги под ними и руки трясутся.

— Ты узнала меня? — спросила она с порога хриловатым голосом. — Я Эмма. Весной мы ехали вместе на поезде из Москвы!

— Я помню, конечно, помню, проходи. Что-нибудь случилось?

Она пришла не вовремя. Я была, во-первых, не одна, во-вторых, не одета, в-третьих — нам было хорошо вдвоем. С Виком. Эмма оказалась самым хрестоматийным третьим лишним. Но у нее, судя по всему, случилось что-то из ряда вон выходящее. Такого человека, как Эмма, вывести из себя серьезно — а не

так, как ломалась она в поезде — довольно сложно. И мне стало любопытно.

Я провела ее на кухню, а сама вернулась в спальню, кинула одежду своему бойфренду и, сказав ему на прощание что-то очень нежное и успокаивающее, типа: «Я позвоню», привела себя в порядок и пошла к своей незваной гостье.

Она курила, стряхивая пепел на блюдце, на котором лежал еще не до конца засохший кусок бисквитного торта. «Вот свинка», — подумала я тогда и грохнула на стол массивную хрустальную пепельницу.

— Хочешь выпить? — Я состроила страдальческую мину.

— Нет, спасибо. От водки я плачу, а от шампанского бегаю в туалет. Оно же как мочегонное.

Я ждала, когда она заговорит.

— Ты ведь частный детектив?

— Да. У твоего мужа появилась любовница? — попыталась пошутить я, но шутка вышла идиотской. Мы обе поняли это.

— Ты представить не можешь, в какую историю я вляпалась. Я увязла по горло! — И она провела своей холеной ручкой по нежному горлу. Я отметила ее свежий маникюр и подумала, что если она и вляпалась в историю, то уже после того, как маникюрша кончила покрывать ее точеные коготки розовым лаком.

Стоял июль. На Эмме было прозрачное зеленое платье и греческие сабо из тисненой кожи. Где только было можно, сверкало золото. Несколько цепей, свисающих вперехлест на грудь, кольца, длинные серьги, браслет в форме сплетенных человеческих рук... Эта женщина обходилась Липкину в тысячи и тысячи долларов.

И как бы в подтверждение этому Эмма на моих глазах достала из невзрачной сумочки пачку баксов и вывалила их на усыпанный крошками торта кухонный стол.

— Почему я начинаю с денег, — начала она объяснять мне свой широкий жест, — потому что знаю по опыту, какое

впечатление производят баксы... Можно сколько угодно толочь воду в ступе, но если ты перед этим покажешь деньги, тебя будут слушать в сто раз внимательнее. Кроме того — это гарантия заработка и подтверждение тому, что я вполне платежеспособна. Разве я не права?

— Я налью тебе чаю? — спросила я, отворачиваясь к плите. Меня уже стала раздражать эта рыжая холеная кошка.

— Ты сядь и послушай. Я еще стараюсь сдержаться, но если бы ты знала, чего мне это стоит. Просто ты себе не представляешь, что произошло. Ты же помнишь Яшу? Мы не очень-то с ним ладили. Он зануда страшный, ну и все такое. В постели, правда, ничего, но это как-то приелось... Деньги выдавал только сам, собственноручно, и всегда говорил при этом, что давать мне деньги для него огромное удовольствие. Но я должна была непременно объяснить ему, на что мне нужна та или иная сумма. Я ему вручала каждый день списки того, что собиралась купить... Это был самый настоя-

ший кошмар. То есть перед тем, как мне пойти в магазин или поехать в центр, я долго и нудно убеждала его в необходимости приобретения той или иной вещи... Я говорю путано, потому что волнуюсь...

— Но ведь он тебе ни в чем не отказывал? — спросила я как бы между прочим, наливая чай и подвигая к Эмме блюдце с только что отрезанным куском от клубничного торта собственного приготовления.

В это время раздался чуть слышный звук запираемой двери: так деликатно покидал мою квартиру Вик.

Эмма замолкла на полуслове. Я успокоила ее, объяснив, в чем тут дело.

— И ты молчала? Я же пришла к тебе с секретной информацией!

— Успокойся, он уже ушел. Если ты думаешь, что в квартире, кроме нас с тобой, есть еще кто-нибудь, то поди сама проверь.

И она пошла. И проверила.

Села. Съела маленький кусочек торта и сделала пару глотков чаю.

А потом просто так, я бы даже сказала обыденно, произнесла:

— Короче. Я решила его убить.

Она сделала многозначительную паузу, надеясь на произведенный ею эффект. Но я не проронила ни слова. Тоже держала паузу. Мое терпение подходило к концу. Если она сейчас, в течение пяти минут, не расскажет мне в двух словах, чего ей от меня нужно, я спущу ее с лестницы — так думала я, поглощая торт.

— Я долго прикидывала, как это сделать, даже делилась с подругами, вроде бы в шутку... Это ужасно, я понимаю. Средств для убийства достаточно, но ведь все надо было обмозговать, рассчитать. Да и страшновато как-то одной. Я уж чего только не придумывала. И автомобильную катастрофу организовать. И с помощью миксера, опущенного в ванну, где он сидит — как в кино, — убить электричеством. Я даже пистолет купила с патронами. И снотворное.

Я смотрела на нее и не могла понять, зачем она мне все это рассказывает. Может, у нее крыша поехала?

— И на чем же ты остановилась?
— Выстрел в голову. Это наверняка.
— А ко мне ты пришла затем, чтобы посоветоваться, как лучше замести следы и сбить с толку правоохранительные органы?

Она надолго замолчала.

— Я собиралась осуществить задуманное сегодня, — произнесла она наконец.

— Тебе нужен помощник? Ты плохо стреляешь?

Она бросила на меня испуганный взгляд.

— Да я вообще ни разу в жизни в руках не держала оружия.

— Тогда в чем же дело?

— Яша поехал на дачу, а я в салон «Элеонора». Мне надо было сделать татуаж бровей, маникюр, да и освежить кончики волос... А пока я была в салоне, — губы ее задрожали, — его кто-то убил.

Она сделалась белая как мел.

— И когда это произошло?

— Точно не знаю. Наш водитель, Андрей, повез на дачу ковер и продук-

